

УДК 811.161.1

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА РУССКИХ ЧАСТИЦ:
ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ¹**

**COMMUNICATIVE-PRAGMATIC PROPERTIES OF THE PARTICLES RUSSIAN:
PECULIARITIES OF REFLECTION OF COMMUNICATION PROCESSES**

**И.А. Нагорный
I.A. Nagorny**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia

e-mail: nagorny@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье устанавливаются коммуникативно-прагматические свойства русских частиц, а также особенности отражения частицами коммуникационных процессов. Анализируется специфика функционирования частиц как рефлекторов процессов интенсификации, смысловой компрессии, семантического усложнения, конструктивного упрощения, модельного парцеллирования, десемантизации.

Abstract

The article establishes the communicative-pragmatic properties of Russian particles, and peculiarities of representation of the particles communication processes. The specificity of the functioning of the particles as reflectors of the intensification process, semantic compression, semantic complexity, structural simplification, model parallelomania, desemantisation.

Keywords: particles, functions, communicative process, speaker, addressee, utterance, meaning, pragmatic impact.

Ключевые слова: частицы, функции, коммуникативный процесс, говорящий, адресат, высказывание, смысл, прагматическое воздействие.

Введение

Исследование коммуникативных параметров слов, активно проявляющихся на уровне функционирования языковой системы в сфере речевого общения позволяет обосновать параметр динамического реагирования модально-кваликативных средств на необходимость обслуживания различных вербальных областей процесса коммуникации. Русские частицы как служебные элементы языка, обладающие компрессированной семантикой (семантикой свернутой, однако способной к динамическому развертыванию), являются одним из наиболее продуктивных, прагматически ориентированных знаков, облегчающих коммуникантам процесс речевого взаимодействия. Как следствие этого, существенно повышается коммуникативный ранг русских частиц – элементов, прагматически сориентированных на адресата, выражающих авторское оценочное мнение.

Основная часть

Анализ параметра актуализации модально-оценочной речевой зоны, актуализируемой частицами, ориентирует на то, что указанный параметр проявляется в одном из двух аспектов – либо в аспекте категоричного подтверждения сказанного с

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00196

целью прагматического воздействия на адресата, либо в аспекте снижения категоричности сообщаемого для более «мягкого», опосредованного воздействия на оппонента.

Разработка актуализационного аспекта позволяет также изучить и привести в систему коммуникативные реакции говорящего и адресата как на объективную действительность, обусловленную разного рода социологическими, экономическими, производственными, научными и бытовыми факторами (степенью стабильности социального положения коммуникантов, кризисными явлениями в экономике, колебаниями в банковской сфере, нестабильностью рынка труда, обиходно-бытовыми проблемами и др.), так и на действительность субъективную (ментально-кваликативную, оценочную и т.п.).

Продуктивность функционирования русских частиц обусловлена широкой открытостью коммуникативной сферы как сферы речевого взаимодействия собеседников [1]. Функционирование частиц в указанной сфере, отражение ими на языковом уровне внешних и внутренних прагматических факторов подтверждает гипотезу об обусловленности закономерностей функционирования языковых элементов в коммуникационном пространстве мотивационными параметрами открытости, новизны, универсализации и динамичности обслуживаемой речевой сферы, которая выступает в качестве рефлектора процессов, лежащих в основе стремительного развития сфер общения (социальные сети, Интернет-форумы, мессенджер-сервисы и под.). В этом плане необходимо обосновать коммуникативно-прагматический статус русских частиц в речевой сфере, уточнить основные принципы функционального и коммуникативно-прагматического описания частиц на языковом и речевом уровнях.

Коммуникативно-прагматическая составляющая в значении частиц позволяет последним выполнять в коммуникативной сфере доминирующую функцию – донесение до адресата личностных кваликативных смыслов, отражающих позицию субъекта относительно сообщаемого [2]. Функциональный анализ позволяет выявить, что частицы, являясь в предложениях грамматически служебными компонентами, не обладают статусными характеристиками структурообразующих средств и не проявляют себя как конструктивные, моделирующие компоненты предложенческой структуры.

Тем не менее, в аспекте грамматико-предикативной организации предложения некоторые формообразующие частицы (*бы, пусть, пускай, давай(те), да*) функционируют на уровне формирования объективно-модального значения в качестве языковых средств, формирующих план ирреальной модальности: *Пришел бы вовремя, успел бы все сделать; Пусть быстрее наступит завтра*).

Способны актуализировать ряд семантико-классификационных параметров предложения и смысловые частицы [3]. В частности, эмоциональные частицы *эк, как, ну и, что за, вот так, где уж, куда уж* принимают активное участие в формировании эмоционально насыщенного предложения, фиксируя последнее в типологическом разряде восклицательных: *Вот так событие! Что за прекрасный выдался сегодня денек! Да где уж нам!*

Модальные частицы (*как бы, чай, авось, небось, никак, поди, что ли, едва ли, вряд ли, будто, точно, словно, вроде, ровно, едва ли не, вряд ли не, чуть ли не, разве, неужели, неужто, мол, дескать, якобы, де*), являясь репрезентаторами «сомнительно-предположительной» точки зрения говорящего, также участвуют в формировании предикативного плана предложения на уровне выражения субъективной модальности, насыщая единицу общения яркими субъективно-модальными характеристиками:

Как будто бы только что здесь был. Видать, вышел куда-то (В. Шукшин); *Лечился, говорят, на кислых он водах, Не от болезни, чай, от скуки, – повольнее* (А. Грибоедов);

- *Ты-то поди привык вприкуску* (М. Горький);

На вид ему лет двадцать, едва ли больше (Р. Штильмарк);

Да ведь **авось** и там-то, в Европе-то, тоже давили немало – монголы всякие (И. Бунин).

В особых случаях модальные частицы способны функционировать фактически как структурообразующие компоненты, например, в модально-ответных предложениях (*– Ты пойдешь туда? – Вряд ли; – Она завтра уезжает. – Уж будто?*), о чем будет сказано отдельно.

Указательные частицы *это, вот, вон, во* тоже способны проявлять типологические характеристики предложения: формировать функционально-семантический разряд односоставных номинативно-указательных предложений: **Вот** садик с плетнем; **Вон** речка.

Важнейшее коммуникативно-прагматическое свойство русских частиц заключается в том, что они являются рефлексорами ряда процессов, оказывающих воздействие на закономерности развития прагматической составляющей коммуникационной сферы. В основе данного явления находится фактор динамичности, определяющий развитие семантико-прагматической составляющей частиц.

К данным процессам относятся:

– интенсификация модально-оценочной сферы субъекта, вербализаторами которой на коммуникационном уровне являются частицы – актуализаторы субъективно-авторских смыслов;

– смысловая компрессия, позволяющая коммуниканту при помощи частицы компрессировать (сворачивать) коммуникативно значимую информацию, а также разворачивать ее в конкретной ситуации речевого общения для достижения собственных, коммуникативно обусловленных целей;

– семантическое усложнение, проецирующее увеличение семантического объема частицы в процессе коммуникации;

– конструктивное упрощение, связанное со структурной компрессией предложения и переходом последнего в ранг модально-ответных;

– модельное парцелирование, предполагающее прагматически обусловленное разбиение предложения на несколько конструктивно коротких отрезков;

– десемантизация (семантическое опустошение), определяющая возможное полное или частичное снижение семантики русской частицы.

Рассмотрим данные процессы, находящие отражение в речевых коммуникативных процессах при помощи языковых средств, в частности частиц, более детально.

1. **Процесс интенсификации** отражает тенденцию активного усиления коммуникативного ранга частиц в различных областях речевого общения. Данный процесс находит свое отражение в одном из двух аспектов:

– в аспекте категоричного подтверждения сказанного с целью прагматического воздействия на адресата: *Это только цветочки, ягодки будут впереди* (погов.); *– Выберите, что будем делать прямо сейчас*, – сказала колдунья (Муторной);

– в аспекте снижения категоричности сообщаемого для более «мягкого» воздействия на оппонента: *Хорошо можно делать всего-навсего одно дело* (газетн. текст); *Наши гусли почти уже готовы, осталось только украсить их* (Б. Ефремов).

Рассматриваемый процесс является показателем соотношения разного рода коммуникативных реакций говорящего и адресата на объективную действительность, обусловленную внешними факторами: наличие прочного или, напротив, шаткого социального положения, кризисные явления, проблемы и достижения личного плана, колебания или стабильность в финансовой сфере, стабильность/нестабильность рынка труда и т.п.:

Можно даже предаться маленьким радостям жизни (журн. текст);

Хорошо, что появился ещё один день и ещё один повод (С. Ткачёва);

А без такой заинтересованности проекты оказываются реализованными лишь частично (Н. Дубова);

Просто я узнал об устройстве мира что-то такое, что мне не понравилось (Е. Гришковец).

Процесс интенсификации модально-оценочной сферы, вербализаторами которой на коммуникативном уровне являются частицы, позволяет последним весьма продуктивно проецировать на адресата генерируемые говорящим смыслы акцентированной достоверности, категоричности, напористости, экспрессивности усиленного подтверждения, возможности, вероятности, сомнения, колебания, неуверенности, предположения, кажимости и др.:

Отвечает «касатик» искусственно твердым голосом: **-Где уж тебе!** (М.Салтыков-Щедрин);

Как! **Разве** к тебе это не относится? (К. Симонов);

Что за прелестный день сегодня! (В. Шукшин);

Меня же больше всего в тот момент заинтересовала **именно** вода (О. Баринов);

Вот так случай! А я и не предполагал, что может так быть (журн.текст).

2. С процессом интенсификации тесно связан и **процесс смысловой компрессии**, позволяющий русской частице выступать в качестве знака подачи свернутой, компрессированной информации, в емком и сжатом виде доносить до адресата квалификативно-оценочную характеристику события:

- Ну, вот вы, например, вы сможете сделать так? **-Где уж!** – пробормотал он и снова погрузился в свои планы (Е. Иванов);

- Как это? - **Вот так**. Сказали – иди домой и сти (А.Геласимов);

- Я в суд подам... – **Ишь ты!**.. (Р. Сенчин);

- Понятия не имею. **-Вот как?** – Представьте себе (С. Довлатов);

- **Уж будто**. – с облегчением проговаривалась мать, но помалкивала при отце (О. Павлов).

Отметим, что частицы в этом плане достаточно свободно образуют продуктивные в речевом плане нечленимые предложения – эквиваленты членимых языковых конструкций:

- **Еще узнаете**. – А здесь может быть разумная жизнь? – спросила Салли. – **Вряд ли** (К. Булычев);

Следователь подумал. – **Едва ли**... (А. Платонов);

- **Вот сегодня-то** я и не приду. – **Уж будто!** (В. Шукшин);

Еще почувят, что я здесь, что с ума схожу по Бригите, и доложат ей... Да нет, **вряд ли** (А. Дмитрук).

Для ответных предложений, включающих только частицу, как правило, характерна значительная компрессия информативных полей. Это приобретает важное значение для широкого распространения данных предложений не только в устной и письменной коммуникационных сферах. В этом плане особо следует отметить актуализацию параметра кодирования/декодирования информации на уровне концептуальных и семиотических ментальных структур, а также парцеллирование синтаксических конструкций с частицами.

3. **Процесс семантического усложнения** определяет резкое увеличение смыслового объема русской частицы в коммуникативном пространстве речевого диалога для продуктивного восполнения разного рода информационных лакун, в том числе и пресуппозитивных:

- И что же, они счастливы? – **Куда уж** (В. Валеева);

- Да вот, как хочу, так и живу... – **Уж будто?** - В ответ мальчика выругался (И. Солоневич);

- И ты точно больше не пойдешь туда? – Да, **уж**... (В. Головачёв);

- **Вот так!**... - обречённо бубнил Дмитрий Николаевич, поднимаясь для встречи (А. Волос);

- Да, совершенно верно. – **Ишь ты!** (А. Клейн).

В результате действия данного процесса значительно усиливается прагматический ранг самой частицы в речевой сфере. Частица – служебный элемент, будучи инструментом речевого воздействия, получает, таким образом, возможность реализовать целый комплекс смыслов [4, 5], сориентированных на адресата:

– *Ужели утолять я рада... Все жажды тщетные души!* (К. Павлова) (предположение, недоумение, сожаление);

– *Ну, теперь еще две зорьки осталось. Авось, бог даст, полегчает маленько* (И. Бунин) (предположение, желательность, ожидание);

– *Что, собрались уж? – Вроде как* (К. Чуковский) (раздумье, сомнение, возможность);

– *Навряд ли*, – *уныло долетел до него гнилой голос человечка* (В. Шишков) (сомнение, уныние);

– *Да, так мне кажется. Чай, из окна славно смотреть* (А. Иванов) (предположение, вероятность, возможность);

Ему казалось, что лучше здесь остановиться, авось дождь затихнет (журн. текст) (кажимость, предположение, намерение);

Это якобы и натолкнуло его на мысль о будущем (А. Казанцев) (эвиденциальность, предположение);

А мы все продолжали говорить об этом якобы нужном для нас деле (журн. текст) (эвиденциальность, ирония);

Он едва ли не единственный из многих (газетн. текст) (избыточность, категоричность);

А обыватель едва ли не первым в России задумался о тайной силе бюрократии (газетн. текст) (избыточность, предположение);

Тогда вот я авось тебя выручу (журн. текст) (возможность, вероятность, предположение, намерение);

– *Сына не позорь, не пачкай под конец биографию. – Куда уж там* (О. Павлов) (несогласие, категоричность, отрицательная оценка);

– *Вот так... Давай-давай, тебе к нему теперь привыкать надо* (А. Геласимов) (утвердительная констатация, наставление, эмоциональная оценка).

Заметим, что квалификативные смыслы, реализуемые частицами в коммуникативном процессе, нередко накладываются друг на друга, достаточно часто наблюдается переход одного смысла в другой, совмещение их в пределах одного речевого образования. Данные процессы характерны как для предложений с частицами, так и для иных речевых структур, что обусловлено прагматическими мотивационными параметрами коммуникационной сферы.

4. **Процесс конструктивного упрощения** обуславливает структурную компрессию предложения с одновременным увеличением смысловой емкости частицы как доминирующего смыслового и конструктивного элемента в ответных предложениях:

– *И Вы, надеюсь, не допустили падения показателей наших программных продуктов? – Еще бы!*

– *И ты после этого будешь продолжать игры на Форексе? – Вряд ли; Серфингуешь сегодня в Инете? – Конечно!*

Указанный процесс развивается на основе типичной для коммуникационного пространства тенденции к сокращению структурного объема предложения.

Характерными функциональными признаками частицы как стержневого элемента ответного высказывания в данном случае являются следующие.

Во-первых, отмечается резкое увеличение прагматического ранга частицы на диктумно-модусном уровне семантической структуры предложения как актуализаторамодусных квалификативных смыслов (субъективно-модальных, оценочных, эмоциональных, экспрессивных), сориентированных на адресата:

– *Что за манера обращаться с людьми!* (газетн. текст);

- *Да где уж там сделают? О-о-очень сомнительно!* (журн. текст);
- *Куда уж теперь дожидаться выхода книги к 70-летию!* (А. Солженицын);
- *Будто не видел!.. Ты-то и не видел?* (Г. Успенский).

Во-вторых, в редких случаях фиксируется выполнение частицами нехарактерной для любого служебного элемента статусной конструктивно-модельной функции в составе предложения (например, функции выразителя логического предиката):

- *Ублажать, что ли, тебя? – Да где уж!* (В. Шукшин) (ср.: *не нужно ублажать*);
- *Даже они не понимают, что значит для меня потерять Еву. – А куда уж!* (Н. Трофимова) (ср.: *понимают/понимаем*).

В-третьих, отмечается выполнение частицами нехарактерной для служебного элемента типологической функции репрезентации самостоятельного типа предложения (в данном случае – нечленимого):

- *Уж будто бы...* (К. Бадигин);
- *Вот как?* (Ю. Домбровский).

Для ответных предложений с частицами характерна значительная компрессия информативных полей, что приобретает первостепенное значение для широкого распространения данных эквивалентов предложения (слов-предложений) [6, с. 14] не только в устной разговорной речи, но и в речи письменной, характерной для относительно новых сфер коммуникации, обусловленных научно-техническим прогрессом и появившихся по языковым меркам совсем недавно (Интернет-общение, язык ICQ, SMS-сервисы, Skype-сервисы и Agent-сервисы, специализированные форумные чаты и т.д.). В этом плане новое значение приобретает параметр кодирования/декодирования информации на уровне когнитивных и семиотических ментальных процессов, способов парцеллирования синтаксических конструкций, а также исследование сферы интенсивного прагматического воздействия на адресата.

5. **Процесс модельного парцелирования** предполагает мотивированное разбиение предложения на несколько конструктивно коротких отрезков, способных выполнять самостоятельную коммуникативную функцию завершеного речевого сообщения в коммуникационном пространстве. Определяющими признаками стержневого элемента парцелированного предложения с частицей являются, с одной стороны, значительное увеличение смыслового объема самой частицы, а с другой, – повышение ее ранга как инструментария актуализации модусных смыслов:

- *А что за... Что за... Человек-то! Что за бизнесмен!* (журн. текст);
- *Гонорар получили? – строго спросила жена. – Где уж! Гонорар получить* (журн. текст).

6. **Процесс десемантизации** лежит в основе специфики речевого функционирования семантически опустошенных языковых элементов, в частности частиц. В результате развития данного процесса языковой элемент теряет значительную часть своей первоначальной семантики, одновременно приобретая функциональные характеристики скрепа в предложении. Наиболее показательной в указанном аспекте является модальная частица *как бы*:

- Я как бы решаю твою проблему. Чего же ты хочешь?* (журн. текст);
- Кризис как бы пришел, поэтому гораздо труднее с вакансиями* (газетн. текст).

В коммуникативно-прагматическом аспекте десемантизированная частица представляет собой характерный образец изначально наделенного широкими модальными потенциями языкового элемента, с которым произошли семантические и коммуникативные трансформации. Утеря первичного модально-предположительного значения, появление новых функциональных характеристик, трансформация активного лексического потенциала частицы *как бы* получили развитие в том, что к настоящему времени в языке наличествуют фактически два омонимичных эквивалента – грамматически служебная модально-предположительная частица *как бы*, формирующая субъективно-модальный план

предложения, и ее десемантизированный звуковой эквивалент с утраченным предположительным и актуализированным выделительно-связочным значением:

Я вчера вечером как бы сижу, смотрю телек, и вдруг мне сообщение приходит (Интернет);

В этом планшете как бы четыре гигабайта оперативной памяти. Это немало (Интернет).

С десемантизацией частицы *как бы* тесно связаны и ее другие коммуникативные функции. Во-первых, это функция генерирования смыслов акцентуализации ипостаси говорящего, выделения авторского «я»:

Ты как бы не расслабляйся (Интернет);

Я же сказал, я как бы приду сюда завтра в восемь часов (Интернет);

Я как бы не считаю, что к ней стоит прислушиваться (Интернет).

Семантически опустошенная частица *как бы* в данном случае используется коммуникантом для акцентуализации собственного мнения с одновременным донесением до адресата оценочного модусного смысла некатегоричности сообщаемого.

Другая функция частицы *как бы* – ограничительно-сочетаемостная. При выполнении указанной функции десемантизированная частица *как бы* приобретает возможность прикрепляться в предложении либо к предикату, либо к элементу, который говорящий намерен коммуникативно выделить. При этом в смысловом ключе данный компонент актуализируется за счет утери исходной семантики самой частицей:

Ты как бы помолчи, если написать в ответ нечего (Интернет);

Да как бы не к нему Сергей приходил (Интернет).

Собственно модальная частица *как бы* в этом случае проявляет себя совершенно иначе. Генерируемые ею субъективно-авторские модусные смыслы, оказывая частично корректирующее влияние на семантическое поле взаимодействующего с частицей компонента, осмысляются как прагматически значимые для говорящего и коммуникативно-прагматической ситуации в целом, так как ориентированы на модальную квалификацию события и донесение данной квалификативной характеристики до адресата.

Еще одна показательная функция десемантизированной частицы *как бы* – реализация ее исключительно в сфере активного диалога, в ситуации повествования о произошедших или текущих событиях, к которым автор высказывания или имел непосредственное отношение, или имеет эвиденциальное представление о данных событиях, проявляет явную заинтересованность в донесении, по его мнению, оценочной информации об описываемом событии до адресата.

Отдельно выделим функцию скрепа, типичную для десемантизатора *как бы* в сфере устной речевой коммуникации. Функционируя в роли скрепа, частица *как бы* теряет свою модальную составляющую и полностью семантически опустошается. В этом случае при помощи введения в высказывание десемантизированной частицы *как бы* автор высказывания может заполнять паузы, выравнивая таким образом речевые лакуны при раздумье, размышлении и т.д.

В некоторых случаях намеренное введение в речь десемантизатора *как бы* может явиться результатом намерения говорящего причислить себя к избранной сфере – бомонда или гламура. Однако необходимо уточнить, что к настоящему времени уже частично утрачена составляющая «избранности» в прагматической сфере десемантизатора *как бы*, а сама семантически опустошенная частица реализует функциональную нагрузку скрепа, фиксируясь в роли элемента паузных связей, а также оказываясь в типичных случаях на уровне слов-паразитов.

Заявленные процессы – наиболее важные, оказывающие существенное влияние на функционирование русских частиц в коммуникативной сфере в плане прагматической трансформации, коррекции и расширения значения рассматриваемых языковых средств. Их анализ подводит к выводу относительно того, что русские частицы и в грамматическом, и в семантическом, и в коммуникативном аспектах образуют

прагматически сориентированную и иерархически упорядоченную систему, имеющуюся в распоряжении коммуниканта для оперативного оценочно-кваликативного реагирования на явления действительности как один из способов концептуальной квалификации события по параметрам акцентированного подтверждения, мотивированного согласия, нейтрального одобрения, целесообразности, колебания, предположения, сомнения и прочим. Итогом данной квалификации, как правило, является корректирующее влияние служебного слова – частицы – на смещение предложения на модально-кваликативной оси к полюсам «акцентированное утверждение» или «отрицание».

Выводы

Подводя итог сказанному, отметим, что изучение отдельных параметров речевой сферы и коммуникационных процессов помогает теоретически обосновать общие тенденции динамического функционирования русских частиц. Разработка заявленных проблем применительно к сфере прагматики позволила практически применить функциональный метод для исследования смыслового пространства речевых высказываний с частицами, обосновать правомерность коммуникативно-прагматического подхода к анализу служебных слов русского языка, что в свою очередь подвело к перспективе расширения теоретических положений коммуникативной лингвистики, функциональной семантики и лингвопрагматики.

Библиографический список

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли – М.: Изд. иностр. л-ры, 1955. – 416 с.
2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.
3. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис / Т.В. Шмелева – Красноярск: Издательство КГУ, 1988. – 54 с.
4. Нагорный И.А. Коммуникативно-прагматические функции русских частиц в тексте / И.А. Нагорный – Научный результат. Серия вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2015. – Том 1. – № 2. – С.50-57.
5. Стародумова Е.А. Русские частицы / Е.А. Стародумова. – Владивосток: Издательство ДГУ, 1997. – 68 с.
6. Нагорный, И.А. Русские частицы и речевые смыслы высказывания / И.А.Нагорный // Филологический аспект. – 2015. – № 4
7. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке /П.А.Лекант– М.: Высшая школа, 1986. –176 с.

References

1. Balli, Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka / SH. Balli – M.: Izd. inostr. l-ry, 1955. – 416 s.
2. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.YU. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka / G.A. Zolotova, N.K. Onipenko, M.YU. Sidorova – M.: Izd-vo MGU, 1998. – 528 s.
3. SHmeleva T.V. Semanticheskij sintaksis / T.V. SHmeleva – Krasnoyarsk: Izdatel'stvo KGU, 1988. – 54 s.
4. Nagornyj I.A. Kommunikativno-pragmaticheskie funkicii russkih chasticy v tekste / I.A. Nagornyj – Nauchnyj rezul'tat. Seriya voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki. – 2015. – Tom 1. – № 2. – S.50-57.
5. Starodumova E.A. Russkie chasticy / E.A. Starodumova. – Vladivostok: Izdatel'stvo DGU, 1997. – 68 s.
6. Nagornyj, I.A. Russkie chasticy i rechevye smysly vyskazyvaniya / I.A.Nagornyj // Filologicheskij aspekt. – 2015. – № 4
7. Lekant P.A. Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke /P.A.Lekant– M.: Vysshaya shkola, 1986. –176 s.